

Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев и дискуссии об индустриализации в середине 1930-х гг.

Михаил Фельдман

The first All-Union meeting of workers and female Stakhanovites and discussions on the industrialization during the mid 1930s

Mikhail Feldman

(Ural Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg)

DOI: 10.31857/S2949124X23040144, EDN: HOWGJR

В последние десятилетия произошёл, без преувеличения, прорыв в изучении производственно-технических аспектов становления военно-промышленного комплекса СССР¹ и его отдельных отраслей². Однако фактически отсутствуют обобщающие исследования политики индустриализации в годы первых пятилеток, истории производственных коллективов (даже знаковых предприятий — Путиловского (Кировского) завода, Магнитки, Уралмаша и др.). Появление в начале XXI в. монографий об отдельных «гигантах индустрии»³, к сожалению, не получило развития.

Рабочей истории повезло больше. После периода спада интереса исследователей к этой, ранее наиболее популярной тематике исторической науки⁴, свет увидели важные исследования, охватывающие первые советские десятилетия. Так, С.В. Яров⁵ продемонстрировал, что идеологизация среды шла параллельно с деполитизацией фабрично-заводских коллективов. Д.О. Чураков описал механизмы воздействия на массы трудящихся, масштаб их сопротивления

© 2023 г. М.А. Фельдман

¹ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М., 2001; Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006; Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 гг. М., 2012.

² Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах. М., 2006; Мельников Н.Н. Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2017.

³ Маркевич А.М., Соколов А.К. Магнитка близ Садового кольца. Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и Молот», 1883–2001 гг. М., 2003; Журавлёв С.В., Мухин М.Ю. Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938. М., 2004.

⁴ Соколов А.К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России // Отечественная история. 2003. № 4. С. 135–136, 138.

⁵ Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999; Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999; Яров С.В. Конформизм в Советской России. Петроград в 1917–1920-х годов. СПб., 2006.

леворадикальным авантюрам⁶. А.А. Ильехов исследовал эволюцию системы заработной платы и состояния охраны труда на промышленных предприятиях⁷. Проводится сравнительный анализ характеристик региональных и отраслевых «отрядов рабочего класса»⁸, их сопоставление с аналогичными показателями наиболее развитых стран Европы⁹.

Однако уточнение и осмысление многих параметров советского рабочего социума, его социально-культурных характеристик — ещё впереди. Следует уделить внимание последствиям обновления технологического парка в мировой промышленности, которое повлекло за собой прогрессирующую социальную диспропорцию, в частности, увеличение удельного веса рабочих низкой квалификации, выполнявших простейшие операции. Если, например, в Италии подобные процессы сопровождались потерями в заработной плате, ломкой сознания, тяжёлыми душевными переживаниями и психологическими травмами¹⁰, то как с этим обстоит дело в СССР? Что из себя представляли высококвалифицированные рабочие советской промышленности? Насколько сильно они влияли на основную массу?

Важным достижением в теоретическом осмыслении развития раннего СССР стала предложенная С.А. Красильниковым концепция социальной мобилизации как системной характеристики сталинского режима на стадии его утверждения (конец 1920-х — 1930-е гг.). Она позволяла структурам власти «концентрировать максимум ресурсов и возможностей общества на выполнение провозглашённых целей». Благодаря ей можно выявить и проанализировать причины, механизмы, динамику и последствия изменений, масштабность, результативность и эффективность взаимодействия власти и различных социальных групп¹¹. В частности, в рамках данной концепции можно проследить изменение государственной политики по отношению к рабочему социуму.

Как известно, документы партийных съездов, постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, пятилетние планы делали ставку на быстрый рост трудовых коллективов. Предполагалось, что малоквалифицированные рабочие (в основном из числа жителей деревни и женщин) пройдут в них перевоспитание в духе безусловной поддержки правящей партии. Одним из инструментов такого перевоспитания стала организация движения «ударников», а затем и «стахановцев». На протяжении десятилетий ему отводилось заметное место в исторической литературе¹², оно нашло отражение в историографических трудах по рабочей

⁶ Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998; Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии. Рабочий протест в Советской России (1917–1930 гг.). М., 2007.

⁷ Ильехов А.А. Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010; Ильехов А.А. Организация труда в Советском государстве (1917–1930 гг.). М., 2016.

⁸ См., например: Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик рабочих России и СССР. 1900–1941 гг. М., 2008. С. 78–79, 189–199.

⁹ Фельдман М.А. Рабочие промышленности СССР и Германии к июню 1941 г.: сравнительный анализ // Российская история. 2009. № 6. С. 79–93.

¹⁰ Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М., 2000. С. 204–207.

¹¹ Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х — 1930-е гг.) / Отв. ред. С.А. Красильников. Изд. 2. М., 2018. С. 6; Красильников С.А. Раннесоветский опыт социальной мобилизации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4. С. 38–45.

¹² Ерманский О.А. Стахановское движение и стахановские методы. М., 1940; Кузьминов И.И. Стахановское движение — высший этап социалистического соревнования. М., 1940.

тематике¹³, монографиях о социальном облике передовиков производства¹⁴. Однако изучение движения отличалось поверхностностью, и только в середине 1980-х гг. появились публикации, содержавшие выводы, самостоятельные по отношению к официальной догме¹⁵. В постсоветскую эпоху исследования на эту тему в основном «спустились» на региональный уровень¹⁶, хотя в последнее время предпринимаются попытки обобщающего анализа советской историографии по этой теме¹⁷.

Общий недостаток названных работ — отрыв истории стахановского движения от процессов социально-политического и экономического развития страны в 1930-х гг. В первую очередь это касается материалов всесоюзных совещаний высшего и среднего звена управленцев промышленности. Причины их созыва менялись: от стремления руководства СССР найти выход из глубокого кризиса, обусловленного «Великим переломом», до попытки справиться с валом некачественной продукции и убыточностью работы предприятий тяжёлой промышленности.

И.В. Сталин рассматривал всесоюзные совещания прежде всего как платформу для изложения политических задач, требований, оглашения идеологических деклараций, и только во вторую очередь как источник информации о положении дел. Характерная в этой связи деталь — он присутствовал лишь на Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности (30 января — 4 февраля 1931 г.). Напротив, члены Политбюро ЦК ВКП(б), отвечавшие за «хозяйственный блок» (Г.К. Орджоникидзе, В.В. Куйбышев, Я.Э. Рудзутак), каждое такое совещание использовали как возможность оперативно проверить эффективность применения инструментов управления народным хозяйством¹⁸. В настоящей статье я рассмотрю проблему выбора направления экономического курса именно с точки зрения этого противоречия позиций.

¹³ Алексеев Г.П., Озеров Л.С., Смольков В.Г., Терновой О.И., Утенков А.Я. Социалистическое соревнование в промышленности СССР. М., 1973; Рогачевская Л.С. Социалистическое соревнование в СССР. Исторические очерки. 1917—1970 гг. М., 1977; Ворожейкин И.Е. Летопись трудового героизма. Краткая история социалистического соревнования в СССР. Изд. 1. М., 1979; Изд. 2. М., 1984; История социалистического соревнования в СССР. М., 1980; Проблемы социалистического соревнования: теория и опыт. М., 1984.

¹⁴ Социальный облик рабочей молодёжи. По материалам социологических обследований 1936 и 1972 гг. М., 1980; Хабибулина Р.Я. Опыт сравнительного анализа состава стахановцев и участников движения за коммунистическое отношение к труду // Рабочий класс СССР на современном этапе. Вып. 9. Л., 1982. С. 79—86; Лебина Н.Б. От поколения к поколению. Историко-социологический портрет молодого ленинградского рабочего. Л., 1983.

¹⁵ Сахаров В.А. Зарождение и развитие стахановского движения (на материалах автотракторной промышленности). М., 1985; Козлов В.А., Хлевнюк О.В. Начинается с человека. М., 1988.

¹⁶ См., например: Чемоданов П.А. Стахановское движение в Кировской области в 1935—1941 гг. Екатеринбург, 2017; Войтович В.Ю. Стахановское движение — путь в светлое будущее России (1936—1937) (на материалах Удмуртии) // Научное обозрение. Экономические науки. 2017. № 1. С. 20—26.

¹⁷ Володин С.Ф., Володина Т.А. Советская историография о стахановском движении // Тульский научный вестник. Сер. История. Языкознание. 2021. № 2. С. 45—61.

¹⁸ См., например: Фельдман М.А. «Благодаря бесхозяйственному ведению дела принципы хозяйсчёта оказались совершенно подорванными» (Новый взгляд на события Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 30 января — 4 февраля 1931 г.) // Экономическая история: ежегодник. 2020. М., 2021. С. 251—263; Фельдман М.А. К вопросу о степени влияния хозяйственной элиты на экономический курс Советского государства в годы Второй пятилетки // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 29. 2022. № 3. С. 85—91.

Первые (и достаточно противоречивые) успехи индустриализации в 1933–1934 гг. привели Сталина к мысли о возможности подхлестывания темпов роста и повышения плановых показателей¹⁹. Однако к началу 1935 г. стало очевидно, что «многочисленных амбициозных политических целей Второго пятилетнего плана достичь будет очень трудно». В частности обозначился срыв показателей по производительности труда, которая в период второй пятилетки (1933–1937) должна была обеспечить более 40% прироста промышленного производства²⁰. Выход из сложившейся ситуации нашли в интенсификации труда. 10 марта 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР издали постановление, объявившее о пересмотре норм выработки на каждого работника (она возрастала от 13–20% в чёрной металлургии до 55% в авиапромышленности²¹). Пересмотр увязывался с эффективным использованием нового оборудования. 13 марта последовал приказ Наркомата тяжёлой промышленности СССР, повторивший это решение. Прежние «технически обоснованные нормы» объявили устаревшими и не отвечающими возможностям современных предприятий. Схожие кампании вскоре начали и другие ведомства²².

Вскоре эту линию попытались если не спустить на тормозах, то хотя бы скорректировать. 10–12 мая прошёл пленум Совета при наркомате тяжёлой промышленности – собрание 104 видных хозяйственных руководителей и специалистов (заместителей наркома, руководителей главков, 28 директоров крупнейших предприятий)²³. Хозяйственники говорили о необходимости согласования выпуска продукции с возможностями и потребностями заказчиков²⁴; жёсткой увязки балансов потребности в кадрах и сметы расходов на их техническую подготовку²⁵; перехода к «другой системе планирования», основанной на урезании спускаемых сверху показателей (сохранить предлагалось данные по выпуску основной продукции, качественные индикаторы – величину себестоимости и фондоотдачи, и некоторые другие)²⁶; о недопустимости выхода за пределы предприятия любой продукции, не отвечающей всем требованиям стандартов качества²⁷. На вечернем заседании 10 мая «ударные дни и декады» – любимое детище партийных и профсоюзных комитетов – объявили делом прошлого²⁸. Ставке на «бешеные темпы» и штурмовщину, волюнтаризму в планировании противопоставили подходы, основанные на опыте хозяйствования 1928–1934 гг.

Однако Сталин и его сторонники уже настроились на новый «скачок». И очень кстати пришлось «стихийно возникшее» в августе 1935 г. стахановское движение, обещавшее резко повысить производительность труда лишь за

¹⁹ Дэвис Р., Хлевнюк О. В. Вторая пятилетка: механизм смены экономического курса // Отечественная история. 1994. № 3. С. 92–108.

²⁰ Davies R. W., Khlevnyuk O. V., Wheatcroft S. G. Industrialization of Soviet Russia. Vol. 6. Years of progress. Soviet economy, 1934–1936. Basingstoke, 2014. P. 160.

²¹ Козлов В. А., Хлевнюк О. В. Начинается с человека. С. 173.

²² Davies R. W., Khlevnyuk O. V., Wheatcroft S. G. Industrialization of Soviet Russia. Vol. 6. P. 160, 163.

²³ Совет при народном комиссаре тяжёлой промышленности Союза ССР (первый Пленум). М.; Л., 1935. С. 3–8. См. также: Фельдман М. А. Первый Пленум: к вопросу о значении Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР в мае 1935 г. // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 2. С. 128–138.

²⁴ Совет при народном комиссаре... С. 38.

²⁵ Там же. С. 43.

²⁶ Там же. С. 111.

²⁷ Там же. С. 141.

²⁸ Там же. С. 110.

счёт его интенсификации, без существенных капиталовложений. Сказывалось и убеждение «вождя», что освоение новых технологий само по себе может творить чудеса.

Яркая иллюстрация уверенности в том, что при помощи «социалистической риторики» можно конструировать социальную реальность, — материалы первого Всесоюзного совещания рабочих и работниц-стахановцев, состоявшегося в Москве 14–17 ноября 1935 г.²⁹ Его объёмный стенографический отчёт (381 страница), сданный в набор 30 ноября, вышел уже 7 декабря внушительным тиражом — 250 тыс. экземпляров. Руководство СССР не жалело средств ради пропагандистского эффекта. Однако данный источник — не просто агитка. Его анализ позволяет получить новое знание о процессах середины 1930-х гг. В этой связи представляется важным подробно изучить его, систематизировав участников совещания по социально-профессиональному признаку, содержанию выступлений (прежде всего тому, как в них отражено положение дел в той или иной отрасли промышленности, предложены ли пути решения проблем) и их продолжительности. Этот последний, казалось бы, чисто формальный признак на деле отражал степень доверия Сталина к докладчику, свидетельствовал о положении того в иерархии управленцев или стахановцев.

Анализ выступлений партийно-советских руководителей позволяет разделить их на две группы. Представители первой — члены Политбюро В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, К.Е. Ворошилов — выступали с продолжительными докладами. Составившие вторую — кандидаты в члены Политбюро П.П. Постышев и А.А. Жданов, а также первый секретарь Московского горкома и обкома Н.С. Хрущёв и первый секретарь ВЦСПС Н.М. Шверник — оказались существенно ограничены во времени.

Уже «вступительное слово» Орджоникидзе свидетельствовало об эйфории, охватившей советское руководство: «То, что до сих пор освящено всякими “научными нормами”, “учёными людьми” и старыми практиками — это наши товарищи стахановцы опрокинули всё верх ногами, выбросили ко всем чертям как устарелое и задерживающее наше движение вперёд»³⁰. Ссылаясь на речь Сталина перед выпускниками военных академий 4 мая 1935 г.³¹, нарком превратил чисто теоретический тезис («подготовленные технически кадры способны в 3–4 раза увеличить производительность труда») в обязательство, ставшее роковым и для него самого, и для его единомышленников³².

Прозвучавшая следом речь Молотова³³, как часто случалось на форумах 1930-х гг., излагала основные сталинские оценки происходящего. Однако они соседствовали со вполне здравыми суждениями. Например, утверждалось, что «стахановское движение родилось в рабочих массах, в гуще рабочих... превратившись в дело всего рабочего класса»³⁴, а вскоре отмечалось, что «во многих

²⁹ Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. 14–17 ноября 1935 г. Стенографический отчёт. М., 1935.

³⁰ Там же. С. 7–8.

³¹ «Если бы на наших первоклассных заводах и фабриках, в наших колхозах и совхозах, в нашей Красной армии имелось достаточное количество кадров, способных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она теперь имеет» (Правда. 1935. 6 мая).

³² Первое Всесоюзное совещание... С. 8.

³³ Там же. С. 264–285.

³⁴ Там же. С. 265.

случаях непосредственным толчком к высокой производительности труда стахановцев является простой интерес к увеличению своего заработка», что делало движение понятным всем рабочим и работницам³⁵. Заявление о том, что «стахановцы уже в два раза перекрывают самые высокие нормы работы в капиталистических шахтах... хваленные европейские и американские нормы труда»³⁶, соседствовало с наблюдением об отсутствии передовиков среди рабочих отраслей, связанных с высоким уровнем механизации³⁷. Характеристика передовиков как творцов, людей «нового социалистического строя»³⁸ противоречила рассказу о том, каким образом они устанавливали рекорды («правильным разделением труда, специализацией в работе, устранением малейших простоев машин и правильным использованием своего рабочего дня»). Так, прозвучал тезис, неоднократно затем повторённый в выступлениях участников совещания — об элементарном соблюдении правил организации труда и рабочего места как универсальном методе решения производственных проблем. Это (наряду с перестройкой системы заработной платы) должно было помочь «выполнить пятилетку в четыре года» и обеспечить достижение поставленной Сталиным цели — «удвоение и утроение промышленной продукции»³⁹.

Интересно, что относительно недавно, на январском пленуме ЦК 1933 г., Молотов говорил, что промышленность должна сосредоточиться на повышении качества продукции и производительности труда, а не на количественных показателях⁴⁰. Однако не прошло и двух лет, как нужды пропаганды потребовали новых, по сути противоположных установок.

Проанализировав биографии наиболее известных стахановцев⁴¹, Молотов выделил в них общие черты: молодость (большинство — до 30 лет); происхождение, как правило, из бедных крестьянских семей; недавнее окончание ФЗУ; принадлежность к комсомолу или статус сочувствующих ВКП(б). Каким образом такие рабочие — молодые, с небольшим производственным стажем — окажутся способными «делать настоящие чудеса»⁴², докладчик не пояснил. Тем не менее сформулированная им задача — поддержать инициативу рабочих шахты «Центральная—Ирмино» («превратить всю шахту в сплошную стахановскую»)⁴³ — отразила установку Сталина: обеспечить выполнение всеми рабочими промышленности (!) стахановских норм выработки.

Как глава правительства Молотов мог себе позволить сочетать пропагандистские лозунги с отдельными замечаниями, отражавшими реальность. Этой привилегии не имели его коллеги по Политбюро, вынужденные делать упор на идеологизированную риторику. Так, секретарь ЦК и нарком железнодорожного транспорта Каганович охарактеризовал стахановское движение как «гигантского размаха историческое движение за коммунистический труд»⁴⁴ (правда, умолчав о характеристиках этого «движения»). Внимание «железный нарком»

³⁵ Там же. С. 279.

³⁶ Там же. С. 272–273.

³⁷ Там же. С. 268.

³⁸ Там же. С. 272.

³⁹ Там же. С. 279, 281.

⁴⁰ Молотов В.М. О задачах Первого года второй пятилетки // Правда. 1933. 12 января.

⁴¹ Первое Всесоюзное совещание... С. 265–268.

⁴² Там же. С. 284.

⁴³ Там же. С. 280.

⁴⁴ Там же. С. 188.

сосредоточил на борьбе с многочисленными «вредителями» — противниками стахановского движения из числа учёных, «старых» специалистов и даже молодых инженеров. Тезис о принципиальном несовпадении интересов инженерно-технических кадров и рабочих проходил через весь доклад⁴⁵. Его поддержал Жданов, по утверждению которого «вредительская деятельность» ряда хозяйственников по отношению к движению «на некоторых наших предприятиях» встретила поддержку «со стороны оппортунистических консервативных элементов в наших партийных хозяйственных, профсоюзных организациях и со стороны отсталых рабочих»⁴⁶. Как видно, наиболее преданные сторонники Сталина оказались единодушны в предъявлении необоснованных обвинений в адрес технических специалистов.

Лозунг о разгроме явных и скрытых врагов стахановского движения подхватил нарком пищевой промышленности Микоян. Для этого, по его мнению, требовалось «перестроить всё хозяйственное руководство сверху донизу» и добиться того, чтобы «руководство заводов, трестов, главков возглавило на деле стахановское движение». В остальном доклад оказался насыщен пропагандистскими штампами. Все его разделы пронизывал лозунг: «Наша страна под руководством мудрого, великого Сталина вступила в полосу гигантского подъёма». Этот подъём и должно было поддержать стахановство, которое позволило бы достичь «невиданных образцов высокой производительности социалистического труда», обеспечить «величайшее изобилие машин и продуктов»⁴⁷.

Микояну вторил Хрущёв, объявивший о «мощном культурном и политическом росте» стахановцев. «Это огромный подъём широчайших масс рабочих... это штурм старых методов работы на всех участках нашего социалистического строительства». В подтверждение оратор заявил, что «нынешний быт шахтёра отличается от старого, как день и ночь»⁴⁸ (правда, не привёл этому доказательств). О каких же шахтёрах (и рабочих прочих отраслей промышленности) шла речь? Ответ на этот вопрос дал Шверник, судя по речи которого, социальные блага страны «победившего рабочего класса» предназначались главным образом стахановцам⁴⁹. Орджоникидзе вслед за Молотовым назвал движение способом добиться стремительного увеличения производительности труда и выпуска продукции в 2–4 раза. Вместе с тем, он нашёл возможным указать на недопустимость «противопоставлять качество продукции количеству. Вся советская продукция должна быть высококачественной... А мы, товарищи, по этой части пока хромаем»⁵⁰.

Общность содержания докладов указывает на то, что они готовились с учётом определённых требований. В их содержании доминировали сталинские определения стахановства, его эпохальности и революционного характера, способности стать основой для нового «Великого перелома». И именно выступление Сталина на заседании 17 ноября подвело черту в работе совещания и вынесло движению окончательные оценки.

Экзальтация присутствовавших дошла перед началом речи до апогея: аплодисменты звучали на протяжении 15 минут и переросли в коллективное

⁴⁵ Там же. С. 190–194.

⁴⁶ Там же. С. 297.

⁴⁷ Там же. С. 163–174.

⁴⁸ Там же. С. 233–234.

⁴⁹ Там же. С. 342.

⁵⁰ Там же. С. 324.

исполнение «Интернационала»⁵¹. Начав говорить, «вождь» сформулировал причины появления движения: «Коренное улучшение материального состояния рабочих; отсутствие эксплуатации»; наличие новой техники; появление рабочих кадров, «культурных и технически подкованных», способных осваивать новое оборудование и «выжать из техники максимум того, что можно из неё выжать». Оно «началось как-то самопроизвольно, почти стихийно, снизу, без давления сверху со стороны администрации наших предприятий, в известной мере вопреки воле администрации наших предприятий и даже в борьбе с ней»⁵². Грозное предупреждение директорскому корпусу прозвучало недвусмысленно. Сделав далее оговорки о том, что движение это только «первые зачатки культурно-технического подъёма рабочего класса нашей страны», а «число стахановцев сегодня ещё мало»⁵³, Сталин, тем не менее, призвал распространить его на все области и районы СССР⁵⁴. Наконец, он указал на очаг сопротивления — техническую интеллигенцию — и уточнил формат работы с ней: «Дать этим уважаемым людям слегка в зубы»⁵⁵.

Содержание выступлений партийных лидеров практически не оставляло пространства для манёвра «красным командирам производства» — руководителям предприятий и главков. Типичными можно считать сообщение директора Горьковского автозавода С.С. Дьяконова («Наша автомобильная промышленность находится по нормам выработки на уровне, близком к уровню значительного количества американских заводов»⁵⁶) и начальника Главного управления металлургической промышленности Наркомата тяжёлой промышленности А.И. Гуревича (показатели лучших сталеваров-стахановцев «много выше лучших мировых норм»⁵⁷). В свете этого нетрудно было обещать «выполнить пятилетку в четыре года в отрасли»⁵⁸ или увеличить выпуск промышленной продукции в 3–4 раза⁵⁹ (директор Кировского завода К.М. Отс). Пути достижения цели оказывались предельно простыми и сводились к уплотнению рабочего дня, проверке оборудования и механизмов перед началом смены и проведению их необходимого ремонта, налаживанию учёта заготовок и готовой продукции, упорядочиванию работы внутризаводского транспорта, учёту рационализаторских предложений⁶⁰ (директор московского завода им. Сталина Н.А. Лихачёв, директор Сталинградского тракторного завода В.В. Фокин), а то и просто «вывозке мусора и грязи, бракованных изделий из цехов»⁶¹ (технический директор 1-го шарикоподшипникового завода И.И. Меламед). Всё это было хорошо известно и применялось до лета 1935 г.

На этом фоне неожиданно и даже смело выглядят выступление главного инженера Главного управления металлургической промышленности А.С. Точинского, рассказавшего о позитивной работе инженеров в качестве рацио-

⁵¹ Там же. С. 360.

⁵² Там же. С. 366–370.

⁵³ Там же. С. 366.

⁵⁴ Там же. С. 373.

⁵⁵ Там же. С. 375.

⁵⁶ Там же. С. 289.

⁵⁷ Там же. С. 106.

⁵⁸ Там же. С. 108.

⁵⁹ Там же. С. 134.

⁶⁰ Там же. С. 100–101, 127.

⁶¹ Там же. С. 82.

нализаторов и организаторов стахановского движения⁶², и критические слова председателя союза рабочих хлопчатобумажной промышленности Ивановской обл. Е.А. Кирьяновой о том, что к выполнению решения XVII съезда партии об автоматизации в отрасли 40% ткацких станков ещё никто не приступал⁶³.

В целом голос руководителей предприятий и главков на майском пленуме Совета при наркомате тяжёлой промышленности и на совещании стахановцев звучал в разной тональности. Между тем представители директорского корпуса лучше кого бы то ни было понимали ущербность ставки на рекорды. Хозяйственникам движение представлялось лишь началом поэтапной подготовки и переподготовки квалифицированных и высококвалифицированных рабочих индустриальной эпохи. Сталин и его окружение, напротив, видели его итогом «роста культурно-технического уровня рабочих» и считали, что вся масса промышленных рабочих готова работать на таком уровне.

За четыре дня совещания прозвучало 83 доклада, в том числе 49 — от рабочих⁶⁴. Коллективный портрет первых стахановцев, воссозданный на основе 500 биографий, достаточно красноречив. Так, 35,8% из них были моложе 25 лет, ещё 37,7% — в возрасте от 25 до 35 лет, и только 20% перешагнули 40-летний рубеж. 47,6% пришли на производство в годы первых пятилеток, дореволюционный стаж имели 23,2%, а 28,2% начали трудовой путь в 1917–1927 гг. Из крестьян происходили 60,7%. Лишь 2/3 в разное время занимались в каких-либо учебных заведениях (как правило школах), но обычно непродолжительный срок⁶⁵. Более половины являлись членами ВКП(б) и ВЛКСМ (соответственно 29,6 и 22,6%)⁶⁶. Молодые, плохо образованные труженики из вчерашних крестьян (а «знатные» — по терминологии того времени — стахановцы относились именно к этой категории) острее чувствовали необходимость улучшить своё материальное положение и легче впитывали пропагандистские призывы и идеологические лозунги.

Рассмотрение их выступлений даже ярче, чем чтение речей политического руководства, говорит о том, что тексты готовились по «лекалу» в аппарате ЦК. Бросается в глаза прежде всего то, что значительная их часть содержит стандартный абзац о сознательном и организованном «вредительском» сопротивлении новаторам со стороны учёных, специалистов и представителей администрации предприятий. Для примера можно процитировать фрагмент выступления машиниста депо Тула А.С. Огнева на вечернем заседании 14 ноября: «И вот, когда я стал ездить по-кривоносовски, мне пришлось столкнуться с многочисленными препятствиями, организованными классовым врагом... незадолго до моего отъезда в Москву на совещание, мне, как кривоносовцу, пытались состряпать два больших крушения поезда»⁶⁷. Причём сравнение текста доклада, вышедшего по «горячим следам» в «Правде» 16 ноября, и его публикации в стенографическом отчёте совещания показывает: абзац о попытках организации крушений внесён в него *post factum*.

⁶² Там же. С. 145–151.

⁶³ Там же. С. 153.

⁶⁴ Гершберг С.Р. Стаханов и стахановцы. М., 1981. С. 94.

⁶⁵ Там же. С. 158–159. Вместе с тем почти все обучались в кружках техминимума и сдали государственный технический экзамен.

⁶⁶ Козлов В.А., Хлевнюк О.В. Начинается с человека. С. 153–154.

⁶⁷ Там же. С. 112–113.

И, конечно, в речах обязательно присутствовали здравицы в честь «вождя», прославление его величия и гениальности. Так, открывший череду выступлений рабочих А.Г. Стаханов⁶⁸ подчеркнул связь рождения своего рекорда с майской речью Сталина (которая его «подтолкнула к повышению производительности труда»). Эффект усиливала пресса: передовая статья «Правды» за 15 ноября, посвящённая стахановцам, вышла под заголовком «Люди сталинской закалки», а аналогичная публикация за 17 ноября называлась «Сталинская армия социалистического труда».

Впрочем, было бы упрощением свести содержание выступлений стахановцев лишь к этим элементам. Это уникальный исторический источник, в них нередко можно найти удивительно откровенные для парадно-пропагандистского мероприятия признания. Описание тем же Стахановым подготовки рекорда явно указывало на его постановочный характер: предварительное обсуждение всех деталей с парторганами участков и шахты, начальником участка; использование труда вспомогательных рабочих-крепыльщиков, которые освобождали руки бурильщику; участие в ночной смене редактора многотиражной газеты. Не менее важно и другое. Сообщив, что на его шахте «уже не одна сотня шахтёров, которые дают по 2–4 и больше норм» и она превратилась в стахановскую, рекордсмен всё же признал, что общий рост производительности оказался достаточно скромным: с 900–980 до 1200–1300 т, или примерно на треть⁶⁹. Видимо, в этом и заключался экономический эффект от действительно рационального решения о разделении производственных функций забойщика и крепыльщика.

В подтверждение можно привести и другие объяснения «стахановского метода» (например, А.Х. Бусыгиным, С.В. Писаренко, А.А. Дегтярёвым)⁷⁰. Рабочие сообщали о наведении элементарного порядка в организации труда — сокращении простоев, увеличении скорости подъезда на подъёмах железнодорожного пути и др.⁷¹ (Огнев). Примечателен диалог Сталина и Дегтярёва: «В чём выражается у вас стахановский метод? — ...стали лучше и активнее работать; больше заботиться, чтобы задержек не было»⁷². Такого рода общие слова вряд ли удовлетворили «вождя», но на все попытки добиться конкретики он получал схожие ответы, дополняемые порой указанием на энтузиазм, охвативший рабочих⁷³.

В речах время от времени прорывалась «правда жизни». Широкую известность приобрели слова свердловщицы оборонного завода М.Д. Макаровой: «Я куплю себе молочного цвета туфли за 180 рублей, крепдешиновое платье за 200 рублей, пальто за 700 рублей»⁷⁴. Участие в движении позволяло приобрести обувь и одежду, недоступные обычным рабочим⁷⁵. Вообще размах стимулирования стахановцев — как материального, так и морального — оказался беспри-

⁶⁸ Первое Всесоюзное совещание... С. 10–20.

⁶⁹ Там же. С. 14–15.

⁷⁰ Там же. С. 21–22, 31, 60.

⁷¹ Там же. С. 76.

⁷² Там же. С. 60.

⁷³ Там же. С. 136–137.

⁷⁴ Там же. С. 42.

⁷⁵ Стоимость крепдешинового платья была сопоставима со среднемесячной зарплатой рабочего промышленности в 1935 г. Даже в 1937 г. этот показатель не превышал 235 руб. (РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 813, л. 56; д. 1831, л. 11; д. 4575, л. 38, 43, 48).

мерным. Их портреты вывесили на улицах столицы (а также других городов СССР), их самих разместили в лучших гостиничных номерах, а партийные органы Москвы приготовили им торжественную встречу — митинги, посещения редакций газет, предприятий, наркоматов. Учитывая, что многие делегаты впервые приехали в столицу, понятны чувство захватывающей радости и ощущение собственного достоинства в атмосфере восторженного внимания — все те эмоции, которые они запомнили как один из самых ярких моментов своей жизни⁷⁶.

Рост уровня жизни систематически подчёркивался как самими стахановцами, так и руководителями предприятий. Фамилия передовика сопровождалась цифрой заработка и указанием на то, что он получил квартиру с «меблировкой». Оклады впечатляли: стахановцы зарабатывали в 5–10 раз больше обычных рабочих, а в ряде случаев их дневной заработок превышал месячный у простого рабочего. В связи с этим понятно, почему так бодро звучали заявления о том, что «жить стало лучше и веселее»⁷⁷.

При помощи материального стимула власть пыталась манипулировать остальными рабочими, призвать их к максимальной интенсификации труда. На деле, однако, высокими доходами даже среди самих стахановцев могла похвастаться лишь небольшая группа «знатных». Например, в июне 1936 г. на Уралмаше только 5,7% из 2500 передовиков получали зарплату, вдвое превышавшую заработок рабочего, причём 30 рабочих зарабатывали от 1 до 1,5 тыс. руб., или в 4–6 раз больше, чем в среднем по заводу. На 30165 металлургов треста «Востоксталь» в 1939 г. приходилось 48 подобных привилегированных рабочих⁷⁸.

Пониманию сущности движения поначалу мешала шумная пропагандистская кампания, восхвалявшая успехи стахановцев, усилиям которых приписывался быстрый рост производства в ряде ключевых отраслей промышленности. Но со временем проявилось стремление взглянуть на происходящее трезво, разобраться в его влиянии на положение дел. Движение стало главным пунктом повестки пленума ЦК ВКП(б) 21–25 декабря 1935 г. Сообщение о его работе и прозвучавшие доклады начали печатать в «Правде» с 26 декабря, причём их содержание и время публикации красноречиво говорят об определившейся разнице подходов к проблеме развития стахановства. Выступления наркомов тяжёлой (Орджоникидзе), лёгкой (И.Е. Любимов), пищевой (Микоян) и лесной (С.С. Лобов) промышленности, обнародованные 26–28 декабря, содержали общий посыл: пересмотр норм выработки должен быть связан с технической модернизацией рабочих мест и учётом мнения самих тружеников. «Резолюции» пленума, опубликованные перед изложением собственно докладов, не поднимали излюбленную Сталиным тему саботажа со стороны инженерно-технического персонала, ограничившись указанием на необходимость «подавления сопротивления стахановскому движению со стороны консервативной части хозяйственников». Акцент делался на обязательность прохождения всеми

⁷⁶ Козлов В.А., Хлевнюк О.В. Начинается с человека. С. 167.

⁷⁷ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДОО СО), ф. 4, оп. 13, д. 129, л. 14–15, 19; д. 348, л. 40–42, 71, 130; Государственный архив Пермской области, ф. 33, оп. 2, д. 130, л. 103.

⁷⁸ Бакунин А.В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.). Свердловск, 1968. С. 291; Государственный архив Свердловской области (далее — ГА СО), ф. 262, оп. 2, д. 716, л. 34; ф. 1814, оп. 1, д. 838, л. 1.

рабочими курсов технического минимума, а для передовиков — ещё и повышения квалификации на стахановских курсах и школах⁷⁹.

Стремясь оставить за собой последнее слово в этой скрытой дискуссии, «вождь» нанёс своеобразный контрудар. О саботаже напомнили опубликованные 28–29 декабря речи Кагановича и члена Политбюро А.А. Андреева. В докладе последнего — фактически завуалированном высказывании Сталина — прозвучали знакомые уже слова об обострении «классовой борьбы»; рассказывалось о явно надуманных случаях террора против стахановцев; утверждалось, что «все справочники по нормированию должны быть выброшены как хлам», т.е., по сути, отвергались «примиренческие» выступления руководителей промышленных ведомств.

Между тем последствия ставки на стахановство обнаружились достаточно быстро. Итоги «месяца рекордов» — января 1936 г. — ошеломили: вместо ожидавшегося рывка в ряде отраслей отмечался спад производства⁸⁰. Причём эта тенденция оказалась долговременной: в угольной промышленности выработка сократилась с 359 тыс. т в день в декабре 1935 г. до 320 тыс. т в июне 1936 г. И хотя во второй половине года начался рост, даже в декабре добывалось на 5 тыс. т в день меньше, чем годом ранее. Аналогичные явления фиксировались и в других отраслях⁸¹.

Главные методы стахановства — уплотнение рабочего дня и увеличение времени работы оборудования — попытались распространить на всю промышленность страны. К примеру, на Мотовилихинском (Молотовском) оружейном заводе рабочие в январе 1936 г. вместо положенных 150 часов отработали 250–300. На предприятиях треста «Востоксталь» в течение года сверхурочно отработано 996 тыс. часов. Привело это, однако, лишь к тому, что резко возросло количество несчастных случаев на производстве и масштабы выпуска бракованной продукции⁸². Так, в металлургии травматизм возрос на 20% в сравнении с 1935 г. Более чем на треть он увеличился на военных заводах Урала. В январе 1936 г. некондиционными оказались 77% снарядов, выпущенных Серовским механическим заводом⁸³.

Стало очевидно, что стахановское движение имеет естественные ограничения⁸⁴. Его возможная перспектива заключалась во всеобщем системном повышении квалификации рабочих, включая передачу опыта на стахановских курсах и в стахановских школах. И действительно, именно в это время начала осуществляться Государственная программа всеобщего технического обучения рабочих⁸⁵ — одно из важнейших мероприятий первых пятилеток, в ходе которого обучение прошли более 795 тыс. человек. Однако ограничиваться такими «тривиальными» целями «вождь» не желал.

Понимая это, «хозяйственники», тем не менее, не сдавались. Продемонстрировав способности к социальной мимикрии в условиях пропагандистской

⁷⁹ Правда. 1935. 26 декабря.

⁸⁰ Там же. 1936. 29 апреля, 21 мая.

⁸¹ *Davies R.W., Khlevnyuk O.V., Wheatcroft S.G.* Industrialization of Soviet Russia. Vol. 6. P. 321, 324.

⁸² *Ibid.* P. 298.

⁸³ ГА СО, ф. 841, оп. 1, д. 36, л. 123–125; ЦДОО СО, ф. 4, оп. 13, д. 329, л. 2–3; оп. 14, д. 445, л. 7, 17–18; оп. 13, д. 329, л. 2–3.

⁸⁴ *Сахаров В.А.* Зарождение и развитие стахановского движения... С. 80.

⁸⁵ См.: Новая система массовой техучёбы рабочих тяжёлой промышленности. М.; Л., 1936. С. 13–15.

шумихи, сопровождавшей Всесоюзное совещание стахановцев, на втором пленуме Совета при наркомате тяжёлой промышленности СССР в июне 1936 г. они, можно сказать, дали бой сталинскому курсу. Представители директорского корпуса осудили как «спецеество», так и практику «стахановских рекордов», охарактеризовав тяжесть их последствий как для производства, так и для настроений рабочей массы. Развенчивался миф о движении как о «высшей форме организации труда». Указывалось на масштаб бесхозяйственности, низкое качество выпускаемой продукции, звучали решительные предостережения от настроений «скачка и штурма»⁸⁶.

На этом фоне красноречиво выглядят многие публикации того времени, в частности статьи журнала «Стахановец», посвящённые исключительно борьбе с «саботажем» администраций предприятий, а также выдвижение по итогам совещания 1935 г. наиболее известных стахановцев на высокие посты в руководстве промышленными ведомствами. Претензии «красных командиров производства» на самостоятельность были несовместимы с тоталитарным режимом. Видя подобное упорство, «вождь» сначала демонстративно игнорировал их позицию, а затем взял курс на широкомасштабные репрессии, в первую очередь ударившие по «хозяйственникам» и инженерно-техническому персоналу.

Возвращаясь к совещанию стахановцев в ноябре 1935 г., отмечу, что важной задачей представляется системное изучение биографий его участников как членов конкретной социально-профессиональной группы. Это позволит выйти на проблему «встроенности» субъекта в социум; определить, как складывался социальный тип «передового советского рабочего»; как работал в советских условиях «социальный лифт», в частности, как он сказывался на состоянии управленческого слоя.

⁸⁶ Подробнее см.: *Фельдман М.А.* Второй пленум Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР: ретроспектива (25–29 июня 1936 г.) // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 4. С. 177–192.